

ЖИВЕТ ТАКОЙ ТЕАТР...

ЦЕЛИННЫЙ краевой драматический театр размещается в старом купеческом доме, глядя на который легко утверждать, что архитекторские пристрастия купца даже тогда времени были не слишком прогрессивными. Центральный же зал — новый. Он выполнен в неброской, но достаточно эффеитной современной манере по проекту молодого архитектора Владимира Колликова. В том же стиле оборудовано фойе, зрительные, правды, старыми, продавленными креслами (средств на приобретение новых отпущено не было). Замысловато-абстрактный рисунок на потолке — черные ломаные линии по белому фону — поначалу невольно даже ошарашивают своей вызывающей экстравагантностью. (Это потом я узнал, что потолок был весь затят трещинами, точно лутничой, и сколько из них замазывали, трещины проступали вновь. Тогда-то и возникла конструктивная идея: обвести трещины черной краской).

Спектакль по пьесе Юлию Зинкса «Серебряный бор» идет на фоне песен молодого инжениера-строителя Виктора Милыто — он пишет песни на слова местных поэтов и на театр его хорошо знает молодое поколение. Кроме того, Милыто в очередь с артистом Юрием Власовым играет в этом спектакле роль Филиппа, застывшего и от этого колочего парня, который умеет делать людям добро ненавязчиво и с высоким душевным тонком.

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР, поставленный Александром Смеляковым и оформленный Игорем Мошквичем, — самый интересный спектакль театра. В нем наиболее ластивно звучит мотив, так или иначе присущий всему творчеству, составляющим пока репертуар коллектива, и, видимо, для него не случайный. Это мотив добра, антинного, действительного, но деликатного и не лезущего на глаза. И мотив моральной бескомпромиссности в слушании избранного пути, кристальной чистоты перед ним, наперед о том, что исцеление света и минимальные дела сделки с собой, предпринятые будто бы даже и в интересах этого дела, поставлено, но неизбежно убьет в тебе творца.

Разве не любит своего дела крупный строитель Евгений Борзов, разве не предан ему и не умеет его делать? Незаурядный, вполне уверенный в себе человек — таким он предстает поначалу в исполнении Константина Зелесского. Моральная узость Борзова обнаруживается неокжи-

данно — его полюбила юная Вера (Людия Каткова), и он тоже полюбил ее, но не хотел, полюбил принять ее любовь. И пытался работать, а признаки этой его трусости, вы понимаете, являлись, что не только требовательной Варинкой любой, но и многого в жизни боялся Борзов и прежде всего дела своего ботиса, ибо живет где-то на последнем дузовом пределе, чуть что — сорвется, и трудно будет предотвратить или даже замедлить падение. Можно было хозяином своего дела, а можно — рабом, заранее готовым подчиниться власти обстоятельств, винитком в огромном его механизме. Борзов был рабом, и дело, которому он отдавал всего себя, иссушило, опустошило его. И если осталось еще что-то настоящее, сокровенное за душой, то и дрожит теперь Борзов над этой малостью, как нищий над последним грошом, тратит с оглядкой, по капельке, не понимая, что наявн — другая, а все равно придет конец его некогда большому богатству. А тут — Вера, со своей шальной любовью...

А рядом — с виду такой, даже робкозастылый Сторожев (Николай Рылов), Шура (Марина Ковалева) — люди, которые тоже правды своему делу, но чувствуют себя хозяевами его, и потому и черпают в нем жизненную уверенность, способность.

Главная тема театра — способность и в спектакле «Рассудите нас, подвизатели» (инсценировка романа А. Андреева, постановка А. Смелякова). Правда, звучит она здесь глухо, неясно. Бескомпромиссность положительных героев часто оборачивается правдоподобностью, душевной черствостью, уверенностью в себе — самодовольством, любованием собственной ограниченностью. И эта тема вновь набирает силу в спектакле «Всеми забытый» — пьесе Назима Хикмета поставили Евгений Радомысленский, молодой режиссер, приглашенный на эту работу из Москвы. Гибнет девушка (эта роль — удача молодой актрисы Галины Красновой). И смерть ее — на совести отца, талантливого хирурга, который, живя в буржуазном мире, слышит, как боится, слышит ханжливое, античеловеческое закание его морали. Вина, звучит со сцены протест против духовной поделитности, аморфности и утверждения не новой, но всегда важной истины: чистое дело надо делать чистыми руками.

А еще спектакли Целинного театра — это в известном смысле продолжение того, что вы видели, поднимается по ступеням главного входа, проходя через фойе: современное соседствует здесь с очеви-

дой архаикой; неожиданные режиссерские ходы — с тем, что давно уже испытаны, вербозными: антерская правда, органицизм, психологизм — с примитивом, игрой на публику. Точнее, не соседствует, а борется, терпя серьезный урон в «Рассудите нас, люди» (здесь и здесь есть работы принципиально важные, например Л. Арцебаева в роли Жени), оставляя в «Серебряном боре» зримые, прочие свои приметы. И эта выходящая несоразмерным глазом упрямая ажурная борьба за свое право на серьезное творчество обнаруживает неопровержимую искренности гражданских поисков театра, становится очень решительным аргументом в пропаганде волнующего его идей внутренней бескомпромиссности, самоотверженной преданности любимому делу.

Однако здесь необходим небольшой экскурс в прошлое.

НЕСКОЛЬКО месяцев назад о Целинном краевом драматическом театре, о крайне низком уровне его творчества писала газета «Известия». После этого в театре сменилось руководство, главным режиссером был приглашен Александр Смеляков, который поставил условие: сменить старый репертуар, обновить труппу более чем наполовину. Условие принял. Подледа было сделано, как говорится. Оставались другая половина — сформировать практически заново коллектив, создать новый репертуар. И, кроме того, привести в порядок здание, которое пребывало в устрашающе запущенном, запломбированном состоянии. Сроа — полтора месяца, да и трудно было рассчитывать на больший: так и так по нашему времени беспроблемно, чтобы театр, существующе в природе и не будучи в отпуске, вдруг на какое-то время превратил покос спектаклей. Правда, с большинством актеров Смеляков договорился или списался еще летом, во время отпуска, — это были в основном молодые люди из разных городов страны, работавшие в этих режиссерских правде.

Оформлять первые постановки призвали художников Михаила Ивиничи из Омска, Александр Шакина из Еревана. Открытаться решили тремя спектаклями. Это было реально только при максимальной интенсивной, напряженной репетиционной работе.

Что же касается здания, можно, конечно, было ограничиться минимально необходимым ремонтом. Но решили, что в эти тяжелые-старомодные, темные и грязные,

заваленные бархатом комнаты неутоно и тесно будет творческим поискам. В первую очередь репетициями артисты освоили разные строительные профессии; по колону в грязи, они приводили свой театр к божеский вид. Быть может, в эти часы он и становился для них особенно своим! И не в эти ли часы во многом рождался тот дух студийности, взаимоподдержки, полнотворного творчества, который вы не можете не почувствовать на спектаклях и который составляет, собственно, главную из привлекательности!

Там временем творческие молодцы города узнали о том, что происходит в их некогда безнадёжном, назвалось, заломленном театре, узнал об этом и горьком комсомола его секретарь Анатолий Добрыня. И что-то так получилось, что люди сразу включились в бурно развивавшееся дело. Молодые архитекторы разрабатывали проекты улучшения здания. Кто-то добывал дефицитные строительные материалы, кто-то помогал делать декорации, шил задники, привозил на дома швейную машинку. А кто-то элементарно разгребал мусор.

И театр потонули молодые поэты, журналисты, художники. Именно в те полтора подготовительных месяца, когда пообещать и высказаться было некогда, возник клуб творческой молодежи, участники которого собираются в театре, слушают новые стихи, обсуждают работы художников, спорят, думают об искусстве и жизни. И пусть Виктор Милыто не особенно хорошо играет своего Филиппа, но разве сам по себе этот факт не выражает по-настоящему атмосферы, которая возникает сейчас в театре!

ОНА, эта атмосфера, минимальная и скромная, однако ощущается буквально во всем.

И в том, что в день открытия театра, когда артисты, работая почти напролет, успели все, а строители не успели с трубой отопления, зрители, пришедшие на премьеру, у входа встречали возмущение, которое выливалось словами: «Мы уверены, что холода не остудят ни твоего горячего участия, ни нашего творчества». Составители возмущения не ошиблись: холода не остудили ни того, ни другого.

И в такой, напряженной, душевной, как никакая, детали. После спектакля никто не издается и возмужает критику с вопросом: «Ну как! Каково общее впечатление и какие замечания по частностям? Вопрос, который нелегко в зубы, услышав который всегда хочется прокрикнуть ми-

мо; и неловко обижать людей, и в то же время поднимается желание остановить поток этой суетливой любознательности бестактным и неуважительным заявлением: «То-варищи, да уважайте же в конце концов свое дело! Вы же работали над пьесой несколько недель или даже месяцев, знаете ее вдоль и поперек. Так научились делать фразы, которые обронит, надевая пальто, интересующий вас зритель, прищипывая кресла или в каком-то и другому восторженному восторгу...» — научили эти фразы быть в самом деле милой для вас серьезной, творческой смысловой. Здесь разговор о спектаклях, разумеется, совсем не на тему, но вдумай, а исподволь, сам собой, и в том, как вели его режиссеры, артисты театра, чувство непринужденного достоинства присутствовало неизменно.

Если же засидеться же за этими беседой или дождаться и только ночью соберется уходить, то не пугаться, когда в глубине темного фойе проступит вдруг контуры театрально-странной фигуры. Фигура приблизится и вам и полюбопытствует отойти не ровным голосом: «А что, друг, чайком у тебя развиться не желает?» Дело в том, что большинство вновь приехавших живут в театре — в примерных, в артистических комнатах. Живет в театре Николай Рылов, молодой уже человек, который имел в Новосибирске вполне прочное положение, но бросил все и приехал сюда, приняв приглашение Смелякова, потому что верит, что из их содружества непременно выйдет что-нибудь путное. А заведующий труппой Михаил Гринин (он из Ногинска) поставил свою раскладушку непосредственно в кабинете главного режиссера. Он постоянно знает устроительные или, как бы то ни было, важные дела театра. И, как вы видите, когда дадут ему квартиру, он сложит вещицы и отправится по новому месту жительства, но остановится посреди дороги, и, обнаружив, что чего-то там недостаёт, повернется и пойдет обратно в театр, и бог весть, когда уйдет-ся вновь его оттуда изгнать...

Это замечательно, и неудачные ночные искания чайника — это тоже здорово, черт возьми! — однако необходимость в самом ближайшем время обеспечить людей жильем не становится в силу упомянутой выше обстоятельства менее самостоятельной. Злоупотребление энтузиазмом никогда не приводило ни к чему хорошему.

В ДНИ, когда заборобы Целинного театра репертуарный народ у своей большой трудовой победе, театр дал городу первый лав подлинного искусства, пусть далеко еще не идеальный выплски. Много ли это! Я рассказываю все, как было. Судите сами.

К. ПЕРЕКАВОВ.
Целиноград.
(Нам след. морр.).

13 НОЯБРЬ 1965
ПОСМОТРЕТЬ СПЕКТРАКЛ
СНОВА